

Сергей САМАРОВ

СПЕЦИАЛЬНЫЙ
РЕЙД

Москва 2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С17

Самаров, Сергей Васильевич.
С17   **Специальный рейд / Сергей Самаров.** —
Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. —
(Спецназ ГРУ. Ударная группа).

ISBN 978-5-699-92578-0

Схватка была стремительной и беспощадной. Несколько террористов остались мертвыми на асфальте. Но трое бросились в метро и смогли уйти. Среди них — и главарь бандгруппы... Вскоре, правда, спецслужбы перехватили его звонок. Бандит просил помощи.

С кем он говорил? Кто его таинственный сообщник, где он? Спецаппаратура вывела на экран карту Москвы. Контуры района, куда звонил бандит, все отчетливее, крупнее. Эти кварталы известны всему миру. Кремль?! Координатор террористов свил гнездо в Кремле? Вот это новость!

Под угрозой судьба президента и его семьи. И хоть спецслужбы укомплектованы лучшими специалистами, среди которых есть и бывшие бойцы спецназа ГРУ, работа им предстоит тяжелая. А времени в обрез...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Самаров С., 2016
© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2016

ISBN 978-5-699-92578-0

ЧАСТЬ I

ГЛАВА 1

1

— Мальчик мой...

В ответ только долгий и напряженный взгляд. Уловить хоть что-то в едва заметном шевелении материнских губ...

Она прощалась с сыном заранее, и уже не в первый раз, потому что тяжело сразу отторгнуть от себя живое и родное, отторгнуть — и надолго, может быть, навсегда, проститься с тем, кого сама произвела на свет в муках, криках и в громких молитвах. Прощалась, положив ладонь изуродованной руки ему на голову. Знала, что больше времени для прощания им может быть и не отпущено. Прощаться на глазах у всех ей было особенно тяжело, и потому она всегда искала время, чтобы побыть с ним наедине.

— Мальчик мой...

Мальчик, как обычно, как уже два года из трех лет своей жизни, молчал, только в глазах его было что-то такое, чего не выразить словами. Впрочем, он точно так же смотрел уже два года и на дверь. Зарема сначала думала, что сын ждет возвращения отца и не понимает, почему того нет. С удивлением — за что его, такого маленького, наказали, отобрав у него отца... Потом думала, что сын ждет уже другого человека, которого научился ждать, как отца. А потом и этого человека у него отобрали...

А он все смотрел и чего-то ждал...

А теперь отбирают и все остальное... Отбирают само право на ожидание...

Понимает или нет трехлетний Арчи, куда ушел отец, куда потом ушел Зураб, что готовят ему ближайшие дни?

Она думает, что он понимает...

Все думают, что — нет...

Все считают его неразумным инвалидом. Сын не только не разговаривает, он и не слышит после того случая двухлетней давности, когда Зарема осталась вдовой.

* * *

...Отец был высокий и стройный, с узкой, как у женщины, талией и по-мужски широкоплечий, гибкий, как береговой тростник, и сильный, как горная ель. И при этом легок характером, как ветер. Он всегда больше играл с сыном, чем мать. Он вообще был невероятно веселым и беспечным, шутливым и игривым. Сын так привык к нему, что плакал, когда за отцом пришли мрачные бородатые люди с автоматами и сказали, чтобы Адлан собирался быстрее.

— Почему ты должен наслаждаться ласками жены, когда другие дерутся за то, чтобы ты жил свободно? Ты сильный мужчина, а сильным мужчинам сейчас место не дома!

Адлан в ответ только широко улыбнулся и согласился. Он ни о чем не спросил Зарему, потому что мужчина не должен спрашивать женщину, когда речь идет о мужском деле. Это она хорошо понимала и возразить не посмела.

И его увели, оставив жену с малолетним сыном в горе и страхе.

А потом Адлан в течение месяца ночью приходил домой, занавешивал окна старыми одеялами, чтобы не было видно света, и ставил автомат рядом с дверью, которую запирает на засов. Раньше такого сильного засова на двери не было, был просто крючок из проволоки. По просьбе Адлана засов поставил днем его самый старший брат Темир, уже старик, оставшийся в деревне. Адлан

приходил, и маленький Арчи смеялся и радовался при виде отца и любил тереться носом о его бороду. Зареме он больше нравился без бороды. Без бороды он выглядел моложе и красивее.

Арчи очень рано, просто на удивление всем, начал говорить и говорил много и подолгу. Как тогда смотрели на сына отец и мать... Не понимая больше половины из сказанного им... Арчи очень тянулся к отцу и каждый вечер трудно засыпал, дожидаясь его. Когда Адлан приходил, сына будили. Днем отоспится...

Потом на целую неделю Адлан вернулся к дневной жизни и даже автомат спрятал где-то под крышей сарая, пока однажды утром за ним не заехали сразу на трех машинах. Торопили...

— Солдаты идут... Нас ищут. Всех знают. Жену забирай... Сына захвати... Будем к границе пробиваться... В Грузию уйдем, потом, если Аллах не оставит заботой, в Турцию...

Адлан думал всего пару секунд.

— Собирайся, Зарема. Одевай Арчи!

Сам бросился к сараю.

— Куда ты?

— Автомат там.

— Ладно... Есть в машине автомат... Скорее...

Зарема не поняла, почему они должны ехать, но не воспротивилась. Если так муж говорит, значит — надо. Арчи же радовался и смеялся. И без умолку что-то лопотал, помахивая пухлой белой ручкой. Кожа у сына, как у матери, — очень белая, тогда как отец всегда был смуглым. Ребенок до этого никогда на машине не ездил и не знал, что это такое. И ему нравилось, когда машину подбрасывало на выбоинах дороги. А дорога по военному времени из одних выбоин и состояла.

Село большое, по ущелью в сторону шоссе вытянутое. Арчи успел прокатиться в свое удовольствие. А на выезде, около развалин старого телятника, началась стрельба.

— Пригнись... — приказал Адлан жене.

Она сама пригнулась, как куст дикой прибрежной алычи, и накрыла собой сына, оберегая.

Адлан стрелял из окна машины. Из разбитого окна. Маленький Арчи смеялся и пытался выбраться из-под матери, принимая это за веселую игру, за продолжение той игры, когда подбрасывало машину. И совсем не боялся выстрелов. Совсем не боялся громких, резких мужских криков. Он думал, что мужчины тоже играют.

— Вправо забирай... — закричал человек, сидящий спереди. — Вправо! Слева гранатомет...

А потом что-то ударило в машину, подбросило ее. Почти сразу же запахло гарью. И больше Зарема ничего не помнит.

* * *

Она пришла в себя и как-то сразу поняла, по запаху, что ли, по тишине ли вокруг, что находится в больнице. Рука была в гипсе, голова обмотана бинтами так туго, что было больно. Должно быть, больно было не из-за повязки. Но ей казалось, что именно из-за бинтов и идет к ней боль, пульсирует точечными ударами в горящем лбу. Память не покинула ее, и все происшедшее Зарема помнила хорошо. Но больше всего помнила страх...

— Арчи... Адлан... — глядя на медсестру, которую увидела со спины, произнесла она едва слышно.

— Что тебе, милая?.. — Медсестра повернулась на голос, склонилась над Заремой. Пожалуй, помоложе ее самой, рыжая и веснушчатая, русская.

Зарема долго рассматривала незнакомое, приветливое и простодушное лицо.

— Сын где? Муж? — При произнесении слов трескались пересохшие губы, словно слова хотели выходить наружу только с кровью.

— Сын в детской палате. Он жив... — сказала медсестра.

Если спрашивают про двоих и про одного говорят, что он жив, это значит, что второй погиб. Но Зарема переспросила:

— А Адлан?

Веснушчатая не ответила, посмотрела даже испуганно.

— Адлан... Муж...

— Я... Я не знаю...

И только тогда Зарема все поняла.

Она стала в двадцать один год вдовой.

* * *

Ей еще не разрешали вставать. Ночью она сама попробовала сесть, но даже в таком положении голова закружилась так сильно, что пришлось сразу же лечь, чуть не упасть перевязанной головой в жесткую больничную подушку. И после этого ее сильно тошнило. А утром сказали, что сына приведут к ней в палату повидаться.

— Арчи, — позвала Зарема, когда его только ввели в дверь. Голос не слушался, был слабым, и она его словно проглатывала вместе со слезами волнения. Арчи не услышал, хотя в палате стояла тишина.

Он только хмуро смотрел по сторонам, по-взрослому чуть набычив голову, чего раньше никогда не делал. Даже когда обижался и капризничал, что со всеми детьми бывает. Но мать не услышал.

— Арчи... — позвала она громче и подняла руку.

Она опять увидела, что сын не слышит ее. И поднятую руку заметил только тогда, когда медсестра, что привела его, показала:

— Вот и мама...

Арчи смотрел и не узнавал. Бинты на ее голове мешали ему узнать мать. Он никогда не видел мать в таком виде. Но медсестра подвела его ближе. Теперь они смотрели глаза в глаза. Арчи чего-то ждал, взгляд его ждал. Он

не бросился к ней, не прижался, не засмеялся заливисто и радостно. Смотрел и ждал.

Ждала и она, что он вот сейчас, вот через секунду заговорит, залопочет, обрадуется.

А он не радовался.

Она поняла не сразу: Арчи ждал, что услышит голос матери.

Но он его не слышал... И потому не понимал, что происходит. Мальчик оказался в другом мире.

В непонятном и беззвучном...

* * *

...Два года прошло.

Зарема больше не слышала от сына ни одного слова. Почти не слышала... Иногда сын издавал в волнении отрывочные звуки. И это было все.

И он не слышал ее слов. Мальчик оглох после взрыва машины, хотя врачи говорили, что слуховой аппарат у него в порядке, барабанные перепонки не повреждены. Предполагали, что глухота — последствие нервного перенапряжения, точно так же, как и немота. Страшная фраза — посттравматический стресс, перешедший в невроз. Так непонятно говорили врачи...

Горе пришло...

Одних горе придавливает сразу, другие пытаются с ним бороться.

Она пыталась. Может быть, и не стала бы бороться за себя, но стала за сына. Едва оправившись сама, покрывая голову черным платком по самые глаза, как и положено вдове, но не только потому, что она вдова, а еще и потому, что в больнице ей выстригли голову перед операцией, Зарема, сама часто шатаясь от головокружения, стала таскать мальчика по врачам. Родственники деньги собирали. Если не хватало, она шла просить. Не стала бы никогда просить для себя, унижаться, но попросить для сына не считала зазорным. Всем селом ее отправляли в

дорогу. Соседи, чем могли, всегда помогали, в память об Адлане, которого любили все. Она ездила и в Назрань, и в Ставрополь, и даже до Краснодара, а потом до самого Ростова добралась. И везде ответ был одинаковым — посттравматический невроз. Не сильно утешали мать врачи, привычные, как почти все медики, к чужой беде: может пройти со временем сам собой, может не пройти никогда. Если начнет развиваться дальше, перейдет в шизофрению.

— Отдай ты его в детский дом, — откровенно посоветовал один врач, пожилой психотерапевт, игриво осматривая эффектную фигуру Заремы. — Ты еще баба молодая, красивая, устрой свою жизнь, жалко такой пропадать...

Она посмотрела на него с гневом и отчаянием. И ушла молча.

А сын рос красивым мальчиком, в отца.

2

Басаргин прилетел из Парижа рано утром на самолете, следующем до Пекина с посадками в Москве и в Иркутске. Вообще-то он собирался прилететь еще вчера во второй половине дня прямым рейсом, но задержался самолет от Лиона до Парижа, пришлось менять билет и добираться домой ближайшим рейсом, чтобы не ночевать во французской столице. Задержка Александра не сильно расстроила, потому что выдалось время и в Париж съездить, и не слишком домой опоздать. От аэропорта Орли до Парижа на такси — полтора часа быстрой езды. Ну, может быть, чуть-чуть побольше. Таксист попался толковый, разговаривал по-английски лучше, чем сам Александр по-французски, и они нашли общий язык. По крайней мере понимали друг друга.

Конечно, жалко, что ехать во Францию пришлось одному, без Александры, которая рвалась туда несравнен-

но больше, чем он, но вызов был срочным, сборы заняли только три часа, и жена за это время не могла никуда пристроить сыновей-близнецов, чтобы составить мужу компанию. Их только два дня назад привезла бабушка, категорично и обиженно отказавшись от продолжения совместного летнего отдыха. Устроили ей сорванцы на дачном чердаке взрыв, которым снесло половину крыши. Как только сами остались живы! Как только дачу не спалили!

— Я хотела бы еще хоть немножко пожить... Без террористов в доме... — выразила бабушка скромное желание и вечером же уехала, обиженная, оставив «террористов» на попечение родителей.

Александра расстроилась, хотя по сыновьям соскучилась. Александр ее утешил только тем, что обещал привезти фотографии, если будет время сфотографироваться. Предполагал сразу, что график поездки, из-за срочных дел дома, предельно жесткий. Но неожиданно повезло с опозданием самолета, и в итоге он успел и на Монмартр съездить, и к Эйфелевой башне, и даже посмотрел на кафе «Ротонду», хотя попить кофе там времени не хватило. И везде сфотографировался. Пусть Александра хоть фотографии посмотрит. А вместе — уж в следующий раз.

И все же слишком мимолетно встретился он с Францией, не ощутил ее как следует. Все второпях... Когда добрался до Лиона, в штаб-квартире Интерпола его сразу засадили за дело, из-за которого и вызвали. Это комиссар Костромин постарался — такую рекламу сделал аналитическим способностям руководителя русского бюро своего подсектора, ярко проявившимся во время операции по поиску «тибетца», сильнодействующего наркотического вещества — мечты террористов. И в сложнейшей ситуации, когда оборваны многие нити важного дела, а факты не помогают выстроить версию, Басаргина пригласили, как последнюю надежду, чтобы он дал аналитическое заключение. Он это заключение

дал, хотя в первый момент, когда переводчик, запершись с Басаргиным на несколько часов в кабинете, втолковывал ему содержание всех собранных материалов следствия, подумалось, что с этим ворохом фактов справиться невозможно. Даже слегка паническое состояние было. Вызвали его из Москвы. А он ничего не может сказать. Зачем вызвали? Опер он и есть опер... Ему гоняться за преступниками надо — погони, стрельба, собирание улик. А остальное все для высоких умов. Опозорился, короче... И именно это ощущение, стремление доказать собственные способности и правильность выбора Костромина, заставило собраться с мыслями, ухватиться за нить, подойти к делу не так, как штатные аналитики Интерпола. Он пошел от обратного, от парадокса. И сделал вывод, от которого у многих глаза на лоб полезли. Но первая же телефонная проверка дала положительный результат, который поставил следствие на рельсы. Самого Александра почему-то не поздравляли. Поздравляли Костромина, которому удалось заполучить такого ценного сотрудника.

А Александра тут же отправили домой. Костромин лично проводил его в аэропорт и посадил на самолет, вылетевший из Лиона с опозданием.

— Александре поклон низжайший... Ее портрет всем моим понравился необыкновенно. Так и скажи. Когда творчество художника оценивается дома, это одно. А когда оно оценивается во Франции, это другое!

Все-таки Стас стал больше французом... Сам Басаргин предпочел оставаться русским.

А Александре, насколько он понимал, оценка французам дорога...

* * *

Встретить его в Шереметьево-2 приехал Андрей Тобако на своем неизменном «БМВ» с двигателем, собранным по спецзаказу Интерпола. В способности машины

километры просто заглатывать Басаргин имел возможность убедиться, когда гнали по Пятницкому шоссе, чтобы выручить Доктора Смерть, а «КамАЗ» с бойцами «Альфы» отставал безнадежно, хотя «КамАЗ» тоже машина скоростная и простой легковушке уступать не спешит¹.

— Ремонт закончили? — поздоровавшись, спросил Александр и сел на заднее сиденье.

— Закончили в день твоего отлета. И офис, и квартиру. Вчера уже завезли мебель и оргтехнику.

Негласный офис и квартиру через стену от него в районе, где никто не знает Басаргина как бывшего офицера ФСБ, решено было приобрести по настоянию комиссара Костромина.

— Молодцы. Мои переехали?

— Тоже вчера. Будь готов вернуться домой и сразу приступить к работе.

— Всегда готов, — не очень бодро отрапортовал Александр. — Есть что-то новое?

— Есть. Приедем, посмотришь сам.

— Хорошо. Меня никто не разыскивал?

— Не просто разыскивал, а по-настоящему домогался полковник Баранов. Не понимал, почему твой «сотовик» не отвечает.

— У него, кажется, какой-то юбилей предстоит...

— Я думаю, что не по этому поводу. Он по делам.

— Основания так думать?..

— Баранов сделал то, что он делать права не имел. Дал мой телефон моим бывшим сослуживцам, — Тобако сказал это недовольно. Словно Александр виноват в том, что бывший его начальник поступил так опрометчиво. Но, зная полковника Баранова, Александр понимал, что без острой необходимости полковник так никогда не поступит.

— «Альфе»?

---

¹ Эпизод из романа «Авторский выстрел».

— Да. Потом и они меня донимали, интересовались, когда ты вернешься. Естественно, я сказал, что не знаю. Требовали новый номер твоего «сотовика». Я сказал, что это закрытая информация. Зная, что я твой сотрудник, со мной бывшие сослуживцы поделиться информацией не захотели, из чего я делаю вывод, что дело не в привлечении нас к какому-то определенному мероприятию, а персонально в твоей личности.

— Когда это было?

— Баранов начал искать вчера утром. Мои сослуживцы после обеда.

Басаргин взглянул на часы. Половина седьмого. Нормальные люди еще только просыпаются.

И тут же зазвонил «сотовик» у Табако.

— Это Александра, — сказал Андрей, не глядя на определитель номера и протягивая трубку Александру.

— Это Баранов или твои сослуживцы, — предположил Басаргин и трубку взял. Он на определитель посмотрел. — Что я говорил...

— Слушаю вас, товарищ полковник, — ответил.

— С приездом, Шурик. Мне уже доложили, что ты благополучно приземлился.

— Спасибо, Сергей Иванович. Хотя не скажу, что меня откровенно радует всенародная популярность.

— Какая популярность? — не понял Баранов.

— Едва я ступаю на московский асфальт, меня узнают и капают на меня в ФСБ. И даже в такое раннее время. Разве это не популярность?

— На тебя запрос делали... Короче, ситуация такая. Меня просто за грудки берут, требуют немедленно тебя предоставить.

— Кто?

— И из «Альфы», и даже директор вчера позвонил. Уже ночью. Просил тебя с «Альфой» связать. Как будто и верить не захотел, что тебя в Москве нет и что с тобой связи нет.

— Что им надо? — Андрей не стал рассказывать, что